

types of identities, they are: middle age, employment type, means of communication with other members of the game process, etc.

The virtual nature of social groups of the Internet users (especially gamers) does not change their social characteristics. Despite the fact that communication in the Internet is mediated by technical means, the communication is still between human individuals, each of whom must identify their attitude to the community, accept its values, find their roles in the community, identify their similarities and differences.

Key words: Internet, virtual space, net identity, computer games, gamers.

Стаття надійшла до редакції 09. 09. 2013 р.

Прийнято до друку 01. 11. 2013 р.

протоколом № 3

Рецензент – к. соц. н., доцент Лебідь Л. І.

УДК [911. 375.5 : 712] – 048.62

М. П. Крылов, А. А. Гриценко

САМОРАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КАК ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Принцип саморазвития культурного ландшафта похож на многие положения социологии, педагогики, психологии, философии, географии, экономики, однако не повторяет их. Первоначально он был сформулирован Б. Б. Родоманом в связи с обсуждением проблем охраны памятников истории и культуры в беседе с одним из авторов настоящей статьи весной 1971 г. Б. Б. Родоман связал ландшафтное видение окружающее мира с пониманием задач охраны культурно-исторического наследия не как отдельных «памятников», вырванных из контекста, а как целостной среды обитания человека, в которой гармонично сосуществуют «старое» и «новое» («Не переделывать старую карету в плохой автомобиль», говорил и писал Б. Б. Родоман, имея в виду, прежде всего, проекты реконструкции Москвы в свете выдвинутого тогда лозунга: «Превратить Москву в образцовый коммунистический город»). Принцип саморазвития культурного ландшафта основан на идеях сохранения культурного и биоразнообразия, а также менее очевидного принципа ландшафтного разнообразия [1], учета «квазиестественных» процессов [2, с. 114].

Существование «старого» и «нового» как условие сохранения культурно-исторического наследия позволило Б. Б. Родоману перенести акцент с односторонней консервации как элемента технологии охраны наследия на проблему сочетания различных форм *развития, ограниченных* параметрами, связанными с требованиями

естественности природно-культурной среды обитания. Тем самым охрана наследия была переориентирована на качественно иной уровень мышления; акцент был смещен с прошлого, архитектуры, тактики и обороны на будущее, историю, стратегию и наступление. Этот акцент стал возможен благодаря учету понятия «ландшафт», корректирующего принцип развития (в частности, саморазвитию культурного ландшафта соответствует критерий прогресса, по Н. Я. Данилевскому: «Прогресс состоит не в том, чтобы все идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходить в разных направлениях, ибо доселе он таким именно образом проявлялся» [3, с. 87]).

Принцип саморазвития культурного ландшафта сочетается с высказанной почти на два десятилетия позже идеей «устойчивого развития», хотя указывает на другие направления поддержания «устойчивости». Он также связан с общенаучной проблемой соотношения «эволюционного» и «революционного» в развитии. Реализация принципа саморазвития культурного ландшафта, по-видимому, тождественна учету интересов территории «как таковой», или *местным интересам*, или интересам местной культурной элиты при городском и региональном развитии. Еще лет 100 назад эти интересы в основном совпадали и имели *возможности для проявления*. Например, купечество Егорьевска организовало постройку ветки железной дороги до своего города, в то время как купечество Боровска способствовало тому, чтобы железная дорога не заходила в город; интеллигенция Тамбова (в рамках заседаний Физико-медицинского общества и при участии органов самоуправления, уездного и губернского предводителей дворянства в течение 1912 – 1914 гг.) добилаь отказа от проекта строительства военного полигона, угрожавшего тогдашнему источнику питьевого водоснабжения города (что было сочтено основным аргументом) и дававшего прибыль лишь группе комиссионеров, чуждых интересам города. В советский период фактором саморазвития территории (но лишь с точки зрения производства) могли быть (или учитываться в таком качестве) энергопроизводственные циклы Н. Н. Колосовского, – например, распространение по территории Тамбовской области «большой химии» на основе химических производств, первоначально (в 1914 г.) возникших в современном г. Котовске. В настоящее время можно предположить, что современному местному саморазвитию как саморазвитию культурного ландшафта близки интересы культурных элит, в то время как безудержный рост или же деградация являются болезненными, патологическими для данного места явлениями.

Примером внешнего воздействия на социально-хозяйственное и культурное саморазвитие безусловно является происходившее в СССР в 1920-е годы создание нового административно-территориального (а частично и государственного) устройства на основе концепции

экономического районирования как системы производственных комбинатов, участвующих в межрайонном разделении труда, первоначально – с элементами федерализации. При этом осуществлялся классовый подход, при котором старые губернские города – «дворянские гнезда» подавлялись (включая ликвидацию университетов, примеры – Кострома, Тамбов), но зато поощрялось развитие новых и старых индустриально-пролетарских центров, включая крупнейшие губернские города (примеры – Иваново, Воронеж). Начиная с 1934 – 1937 гг. система административно-территориального устройства в значительной мере вернулась к старой губернской сетке. (Любопытно, что нет единой точки зрения, оценивающей этот инерционный возврат положительно или отрицательно. Еще в 1960-е – 1970-е годы приходилось слышать противоположные оценки, говорившие, например, о том, что проект профессора И. Г. Александрова «с треском провалился» и все вернулось, таким образом, к норме, и о том, что было решено «приблизить органы НКВД к населению»).

Характерное для современной России «выживание» в ходе «реформ», в соответствии с представлениями социал-дарвинизма, также не может считаться саморазвитием в рассматриваемом смысле: это развитие в угнетенном состоянии, при котором почти все факторы развития (кроме самосознания населения) являются «ограничивающими» (в смысле Ю. Либиха). Это – не саморазвитие, а лабораторный эксперимент.

Современная глобализация и монетаристская экономика могут быть отождествлены с саморазвитием на определенных пространственно-структурных уровнях, но для культурного ландшафта и регионов они выступают как *внешние* факторы, нарушающие его саморазвитие. Заметим, что, по мнению многих экономистов, место региона и города в экономической системе заключается в том, что они являются самостоятельными субъектами экономического развития, вносящими в хозяйственные процессы системную связь и экологический порядок, являясь при этом одной из основных, классических областей «пробуксовки» рыночных механизмов [4, с. 24, с. 11], то есть их роль в экономике активна, однако «обратное» воздействие экономики на регионы, города и их культурные ландшафты является для них внешним, неоднозначным для их саморазвития или даже (без принятия адекватных государственных мер) деструктивным. Необходимо также иметь в виду, что в условиях глобализации (кстати, как и в рамках единого «советского народнохозяйственного комплекса») ориентация на свободное движение капиталов вовсе не гарантирует максимума реальных экономических результатов для каждого национального хозяйств и, тем более, региона и города в отдельности [4, с. 17]. Это опять же предполагает вмешательство государства (разумеется, разумное, просвещенное), которое, таким образом, здесь призвано

выступать, так сказать, «в помощь» процессам саморазвития, а не как их ограничитель (в смысле концепций марксизма, кейнсианства и т. д.)

Нарушение саморазвития может по-разному оцениваться представителями разных местных социальных слоев и элит, часть которых будет воспринимать нарушение саморазвития как давно ожидавшийся прогресс, другая часть – как драму, трагедию или катастрофу, третьи обнаружат признаки и того, и другого, в то время как часть наиболее активных местных жителей найдет в такой ситуации повод для самоутверждения или «выхода энергии».

Объективные (хотя и подлежащие регулированию, в том числе с позиций критериев саморазвития) процессы трансформации саморазвития надо отличать от авантюры, связанных с ускоренной реализацией проблематичных проектов (типа перебросок стока северных рек) или просто связанных с частным своекорыстным интересом, нарушением или изменением законодательства и т. д. (типа проблемы Химкинского леса и других случаев «экологического мародерства», по А. В. Дроздову [5]). Защита населением Воронежского Прихоперья своей среды обитания от деятельности медно-никелевых олигархов (Уральской ГМК и ГМК «Норильский никель», Еланское и Елкинское месторождения) – это уже активная самооборона как случай самоорганизации (см., например, [6]). Противодействие таким авантюрам в обществе – очень важная часть его самоорганизации и здесь «направленное воздействие» государства», в отличие от случаев культурных ландшафтов, городов и регионов, в общем виде нежелательно.

Специфическим случаем саморазвития городов и регионов (здесь, наверное, лучше говорить о патологическом псевдосаморазвитии) является «выпущенный из бутылки джинн» индустриализации и химизации. Вопреки представлениям советских экономико-географов необходимо поставить вопрос о том, что очень многие предприятия, считающиеся «градобразующими», на самом деле являются «градоразрушающими», если под городом понимать определенную общность людей с определенными устремлениями, а не пассивную совокупность «трудовых ресурсов», то есть в духе представлений М. Вебера, а не «районной школы» советской экономической географии. Нередко существует дуализм органического саморазвития и экономически приемлемого патологического индустриального псевдосаморазвития, экономически и социально устраивающего часть местных жителей (примеры градоразрушающих анклавов – аэропорт Быково, Тамбовский химкомбинат, и даже ранее образцовый социалистический город Котовск и мн. др.).

Принцип саморазвития культурного ландшафта нацеливает на сочетание принципа *уникальности* и *сравнительного метода* с идеями

*теоретической географии*¹ (что могло бы показаться парадоксальным, странным или невозможным инициаторам западной «количественной революции, ниспровергавшим в свое время более известного им Хартшорна и менее известного им Геттнера), что тождественно возрождению подхода Геттнера, писавшего, что «география – как в конце-концов и все конкретные науки, но в разной степени, – является и идиографической, и номотетической наукой одновременно» [8, с. 202]. Вопреки тому, что пишет о Геттнере большинство российских географов, Геттнер критикует неокантианцев за противопоставление индивидуализации и обобщения, за однозначное противопоставление номотетических и идиографических наук, а также на «сильное ударение на индивидуальное в сравнении с общим» [8, с. 200] и стоит, таким образом, на позиции, которую в свете современных дискуссий (В. А. Шупер – В. Л. Каганский) [9] можно назвать отказом от сведения теоретической географии к математической географии: «задача сравнения, как такового, исчерпывается проверкой гипотезы на фактах; ибо твердой составной частью науки знание может считаться лишь тогда, когда причинная связь явления и гипотетически допущенной причины будет выведена из их сущности, когда, следовательно, к индуктивному методу присоединяется дедукция» [8, с. 172 – 173]. Саморазвитие культурного ландшафта, помимо безусловной эвристической роли, также является и теоретическим конструктом, однако основанным на безусловном знании многообразия местных условий, поэтому его теоретико-географическое значение очень хорошо описывается приведенными формулировками Геттнера.

Методологические сходные с идеей Б. Б. Родомана о саморазвитии культурного ландшафта, но находящиеся в несколько ином «ключе» подходы содержатся в творческом наследии выдающегося социолога Н. С. Тимашева, который вычленил естественную компоненту развития, в отличие от «неестественной», «аборативной»; при этом развитие по естественной компоненте может противоречить внешней атрибутике и маркерам, заявлениям властей и даже общественному сознанию [10, с. 141]. Примером является трактовка Н. С. Тимашевым событий советской истории после 1933 – 1934 гг., современником которых он был. (Н. С. Тимашев считал, что Сталин начал демонтаж советской коммунистической системы после того, как был принят известный «закон о пяти колосках», показавший, что старая система зашла в тупик). Сходный подход А. Г. Щелкин отмечает у философа Мих. А. Лифшица (1905 – 1980), а также у современных экономистов А. Горяинова и В. Найшуля, обращавших внимание на «подспудные» процессы в развитии советского общества (например, когда экономисты изучали «черный рынок»).

¹ О теоретической географии – см., например, работы Б. Б. Родомана [2], А. М. Смирнова [7] и др.

Реализация принципа саморазвития культурного ландшафта подводит к необходимости поиска некоторых аналогов, по крайней мере, некоторых паллиативных подходов, по отношению к понятию «предельно допустимая нагрузка» (применяемого, хотя и не всегда теоретически и практически приемлемо, для ландшафтов и экосистем) уже не для природных, а для культурных, социоприродных и социальных систем. Эта идея иногда «носится в воздухе». Однако она остается равно чуждой не только большинству российских реформаторов-«вестернизаторов» и российских чиновников, занимающихся вопросами охраны наследия, но и доминирующим пока теоретическим представлениям и практике социокультурной модернизации. Известно, что в свое время многие российские реформаторы признавали возможность для России «идентификационной смерти» [11].

Идеи модернизации, как представляется, можно выводить не только из западного контекста, но также из российского. Наверное, допустимо сравнение социокультурной модернизации с идеями Н. Ф. Федорова и его последователей о «борьбе с природой», воспринятыми не только основоположниками отечественной космонавтики, но и преобразователями природы и общества, революционными футуристами см., например, – М. С. Агурского [12]; (ср. у В. В. Маяковского: «Почему не расстрелян Растрелли», у В. Р. Кириллова: «Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы»). Разумеется, неверным было бы говорить об ошибочности модернизации вообще, равным образом, как и ошибочности преобразования природы вообще, однако надо иметь в виду, что идеологизированный и часто политизированный пафос «преобразовательства» («преобразование» – как идеологически необходимая самоцель) может существовать и там, и там, например, масштабы разрушения старинной застройки в Москве или площадь затопления при строительстве Рыбинского водохранилища (сверх необходимых для энергетики и транспорта гидротехнических параметров). Не было представлений о пределах вторжения в природу в случае «перебросок» (были лишь модельные расчеты без четких критериев, с элементами подгона при обобщении результатов) или реконструкций городов, где по умолчанию предполагается полное уничтожение старинной исторической застройки, исключения лишь для очень немногих штучных уникальных объектов (здесь понятие «уникальный» имеет дезориентирующий смысл).

Поиск меры между саморазвитием и внешним «направленным» воздействием – традиционная проблема педагогики. Для социумов подходы к решению этой проблемы менее очевидны и если в педагогике предполагается сохранение идентичности, самосознания, а в современном мире – и безусловного самоуважения, то для социумов проблема сохранения «культурного ядра», строго говоря, не ставится.

Все это укладывается в русло популярной ныне конструктивистской идеологии в этнологии и политологии. Делая акцент на образ, а не на реальность, она становится участником проблематичных интеллектуальных игр, связанных, например, с так называемым «конструированием идентичности» (ср. с афоризмом В. Я. Гельмана «региональная идентичность – это потемкинская деревня, которая исчезнет после Потемкина» [13]) или конструированием «нации – государства», в рамках которых изучение (и учет!) реально существующей идентичности считается либо не интересным и не актуальным для изучения, либо несуществующим по умолчанию. «Конструктивистский» подход предполагает возможность тотального подчинения людей политической инженерии, которая реализуется благодаря якобы отсутствию у людей устойчивых идеологических, нравственных, культурных и иных предпочтений. Эти предпочтения, согласно логике конструктивистов, должны заимствоваться людьми извне и формировать идентичность и историческую память как якобы являющиеся продуктами сферы политики, но не личного или коллективного выбора самих людей или традиции. **«Феномен социальной сплоченности скорее «изобретается», а не «обнаруживается», то есть является сконструированным»** (выделено нами. – К. М., Г. А.) [14, с. 138].

Повышенная величина внешнего воздействия может разрушить социум, превратить его в чистое поле для дальнейших преобразований, вызвать неоднозначную мутацию или иные изначально непредсказуемые последствия, но может и стимулировать его развитие, в чем-то – «излечить». Однако хорошо известное требование «не навреди» для социумов признается в наименьшей степени. В значительной степени это связано с тем, что теория модернизации изначально носила как бы инженерно-конструктивистский характер, без фундаментальной общенаучной базы (возможно, в качестве таковой рассматривалась одна из разновидностей марксизма). Предполагалось, что общество всегда нужно «преобразовывать», особенно, в случае незападных стран, включая Россию (хотя в настоящее время ряд теоретиков модернизации уже признало проблему, связанную с неопределенностью, возникающей при оценке пригодности для всех стран мира единого евроцентристского шаблона) [15, с. 20–21; 16; 17, с. 226]. Тем не менее, в практике проведения реформ и государственного строительства на постсоветском пространстве преобладает именно «модернизаторский» подход, не учитывающий последствия попыток разрушить культурное ядро и сложившиеся позитивные традиции. Ответственность за это несет и игнорирование сложных теоретических вопросов сочетания саморазвития и направленного воздействия. Далекое не всегда проводится различие между «нормой» и «патологией», обществом «здоровым» и «больным», а имеющиеся оценки всегда политизированы,

как, например, в случае оценок допетровского московского государства или дооктябрьской (или хотя бы до 1914 г.) России.

Сейчас признается наличие позитивного вклада европейских колонизаторов в развитие стран неевропейского мира, включая те случаи, когда вторжения европейцев были сопряжены с множеством деструктивных моментов (попытка соизмерить «плюсы» и «минусы» колониализма предпринята В. А. Мельянцевым [17]; в итоге делается осторожный вывод, который можно интерпретировать в том смысле, что «плюсы» возможно перевешивают [17, с. 130, с. 142, с. 216]). А. А. Любищев признавал наличие рационального зерна в теории «бремени белого человека»: «Оно заключается, конечно, не в признании биологической неполноценности белых и цветных, а в признании их идеологической неравноценности именно в том, что многие из них зашли в разного сорта идеологические тупики, из которых трудно выйти без мощного внешнего воздействия» [18, с. 206]. Обсуждается вопрос о монгольских завоеваниях как о положительном стимуле развития (например, в теории евразийцев). Однако если для Руси под очень большим вопросом здесь могут быть вычленены некоторые позитивные моменты, связанные с мощью большого государства, то для Ирана и, особенно, Средней Азии, вред монгольского нашествия однозначен, в то время, как для Китая изменения коснулись в основном «лишь» погибших в ходе нашествия китайцев (по оценкам, приводимым В. А. Мельянцевым, их было порядка трети населения страны [17, с. 63] и не повлияло на ход его развития.¹ Разрушение Карфагена и практически полное уничтожение пунической культуры, разумеется, никак не компенсировалось появлением римской Африки, хотя, конечно, разрушение Карфагена можно рассматривать как препятствие для стремительного прогресса Рима; интересно, что Г. К. Честертон выражает солидарность с римлянами в «искоренении варварства» [19, с. 182 – 186]. Не вполне ясно, в какой мере захват римлянами Греции был впоследствии компенсирован в рамках Империи (известна деятельность императора Адриана, способствовавшая определенному «ренессансу» Афин).

Лежащая в русле принципа саморазвития культурного ландшафта мысль С. А. Арутюнова [20] об антропоценозах и о сохранении в наши дни этрусков и других народов древности эстетически привлекательна и интересна как толчок для мышления, однако сугубо утопична, в том числе и потому, что невозможным было бы сохранение прежней идентичности. В то же время общество, потерявшее или изменившее идентичность, представляет собой во многом непознанный феномен

¹ Здесь необходимо сослаться на В. А. Мельянцева: «Китайцам, то ли в силу их многочисленности, то ли благодаря глубине и богатству их культуры, а может быть, вследствие того и другого удавалось ассимилировать своих завоевателей, в результате чего основные компоненты высокопродуктивной китайской цивилизации и достаточно совершенные механизмы управления обычно сохранялись» [17 с. 232].

(другое дело, что нужно выявить, действительно ли идентичность изменилась, что на самом деле достаточно сложно). После «сверхмодернизации» или «сверхкосмополитизации» может быть создано маргинальное общество, однако действительные силы сопротивления социума могут быть достаточно сильными и проявляться во многом подспудно или же более или успешно маскироваться под новый режим, хотя и при усвоении, по крайней мере, части его ценностей. Этот вопрос достаточно сложен и не разработан. «Гомо советикус» А. А. Зиновьева – прекрасная литература, но с научной точки зрения – это лишь одна из тенденций, предостережение, но не итоговое состояние. Известна жесткая ответная реакция на жесткую модернизацию (Иран в 1979 г.). Интересен позитивный пример *эволюционной* внутренней модернизации: в Англии очень рано, по сравнению с другими странами Европы, исчезло патриархальное крестьянство, однако роль традиций для Англии общеизвестна. В то же время модернизаторская деятельность младотюрок и Ататюрка, несмотря на ряд предпосылок, можно считать *революцией*, особенно в связи с шагами по искоренению традиций. А. А. Любищев ([18, с. 74 – 81, с. 191]) связывал геноцид армян в Турции 1915 г. именно с началом деисламизации этой страны.

М. К. Мамардашвили [21] считал, что сохранение «культурного ядра» может быть «опасным», если с ним нет контакта (существуют, по мысли М. К. Мамардашвили, остатки «культурного ядра», но преемственность в развитии нарушена, и эти остатки пребывают вне современного социума, превращаясь лишь в поприще для художественной литературы). Такая ситуация характерна, считает М. К. Мамардашвили, для Латинской Америки и России: «... Это вот непереваренное прошлое, то прошлое, с которым не может быть нормального контакта, наше мифологическое прошлое, проявляющее себя в каких-то структурах бессознательного ... У нас с ним в себе также нет контакта, как снаружи у нас нет контакта с инкскими сооружениями или египетскими пирамидами. А контакт, скажем, с греческими сооружениями у нас есть. Греция продолжает быть живой частью непрерывности ..., на котором вся история расположена. И мне кажется, что все это ставит очень серьезные ... проблемы, связанные с отношением к прошлому. Один из врагов духовной жизни нашей – прошлое» [21, с. 330]. По мысли М. К. Мамардашвили, главным для России здесь является отсутствие контакта не со своим прошлым (хотя для Латинской Америки это признается главным), а с Европой, Западом. Как положительный пример он приводил США («им повезло») [21, с. 331]. Получается, что точка зрения М. К. Мамардашвили по поводу саморазвития сводится к формуле: «или – или», или плавное *эволюционное* развитие, или, если это невозможно, полное искоренение предыдущей культуры, или внутренняя органическая модернизация, или принесение модернизацию на чужой плацдарм, *революционная*

«расчистка сцены» для нового представления. (Тем самым возрождается, кстати, революционный марксизм в его культуроборческой части: «весь мир ... разрушим, а затем мы наш, мы новый мир построим»). Сочетание «старого» и «нового», «чужого» и «своего», по мнению М. К. Мамардашвили, – плохо (это – «кентавр»).

Точка зрения о том, что общества развиваются и прогрессивно развиваются лишь *«революционным»* путем, почти автоматически оправдывает насильственные действия ради ожидания последующего прогресса. Хотя А. А. Любищев пишет о том, что мнение о том, что социальная революция биологически несостоятельна («неестественна»), неверно, поскольку, как он считает, в рамках наблюдаемых (реконструируемых) биологических трансформаций революция преобладает над эволюцией [22, с. 140 – 141]. Однако он не учитывает, что революционные последствия после природных катастроф (по Кювье) носят вынужденный характер, связаны с внешними факторами и в этом смысле на самом деле не являются образцом для общества. Интересно, что нет ясности в вопросе о существовании парадигм (по Т. Куну) как *революционной* формы развития науки. При этом специалисты и методологи многих наук (например, биологии и экономики) отрицают существование парадигм в своих науках: в них нет *«революционной»* смены исследовательских установок, круг вопросов довольно стабилен, а концепции и подходы специфичны для отдельных школ, а не «парадигм» как «исследовательских эпох», т. е. как бы характерны «цивилизации» и *эволюция*, а не «формации» и *революции*.

Распространено однозначное оправдание Французской революции и наполеоновских войн. Понятно, что вопрос о «культурном ядре» при этом как бы не возникает (хотя, по-видимому, плавная эволюция Священной Римской империи была полезна и была бы полезна и далее, во всяком случае, как некоторый фактор стабильности). Случаи явно реакционных действий революционеров и Наполеона (не насилия, а то, ради чего осуществляется насилие), например, ликвидация Венецианской республики и передача ее Австрии, считаются «исключениями, подтверждающими правило». Характерны современные (постсоветские) попытки как-то оправдать коллективизацию и индустриализацию в СССР с точки зрения теории модернизации, или же недавняя популярность генерала Пиночета у реформаторов при Ельцине, как и положительная оценка генерала Франко у части демократов при Горбачеве.

Отсутствие критериев «норм допустимости воздействия» для социокультурных и культурно-экономических систем, указывает на недостаточное знание законов социума, соотношения в нем наследственности, изменчивости, пластичности и устойчивости, характера и направления эволюции. Собственно, об этом ставился вопрос уже давно, в связи с развитием в СССР системы прогнозирования [23, с. 29 – 30].

Может показаться странным, но А. А. Любищев (быть может, из-за своей излишней склонности к парадоксам) не считал реформы Петра Великого «революционными» на том, чисто формальном, основании, что (коль скоро Петр был представителем все той же династии Романовых) не происходило нарушения преемственности в развитии [22, с. 141]. По мнению Ш. Н. Эйзенштадта, эволюционное развитие носит стадийный характер, при этом переход между стадиями носит (революционный) характер [24, с. 47]. И. М. Дьяконов разделял понятия «революция» и позитивные изменения общества (переход к следующей фазе развития) как не связанные в общем виде друг с другом. Беря за основу схему Маркса и существенно уточняя ее, он резко критикует положение этой схемы о революции («насилие как повивальная бабка истории») как о механизме смены «формаций», которое «во всемирно-историческом плане неверно». Единственная революция такого рода, пишет И. М. Дьяконов, произошла во Франции; ни древность от первобытности, ни средневековье от древности не было отделено насильственным переворотом [25, с. 9].

Интересен подход к проблеме соотношения *эволюционного* и *революционного* и содержится в романе-утопии А. А. Богданова «Красная звезда», в котором сравнивается цивилизация Земли и гипотетическая цивилизация Марса, в основу представлений о которой положены размышления А. А. Богданова о земной цивилизации: «Что касается ... начальных фаз жизни человечества на Марсе, то ... здесь сходство с земным миром было огромное ... Но дальше начиналось расхождение, хотя не в основном направлении развития, а скорее в его стиле и характере. Ход истории на Марсе был как-то мягче и проще, чем на Земле. Были, конечно, войны племен и народов, была и борьба классов, но войны играли сравнительно небольшую роль в исторической жизни и сравнительно рано прекратились, а классовая борьба гораздо меньше и реже проявлялась в виде столкновения грубой силы» [26, с. 131]. «Противоречия острее на Земле» [26, с. 134]. Причину своеобразия исторического процесса на Марсе А. А. Богданов относит к специфике природных условий этой планеты, включающую как изначальные условия (предполагающую очень высокую связность территорий внутри Марса), так и процессы аридизации и опустынивания, которые способствовали ускорению исчезновения крестьянства и национализацию земли. А. А. Богданов, таким образом, не считал, что в общем виде справедлива эволюционная или революционная модель развития. Ход развития, по А. А. Богданову, определяется местными условиям, при этом схема объяснения оказывается близкой географическому детерминизму в версии Г. В. Плеханова.

Кроме ориентации на изменение, существуют воззрения, предполагающие доминирование стабильности, «константности». Отклонение от саморазвития с этих позиций в особенности

протiwоестественно. Н. Я. Данилевский [3, с. 91] даже постулировал закон, согласно которому «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее сам при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествующих или современных цивилизаций». Современные исследования политологов-востоковедов скорее подтверждают такую точку зрения [27]. Тем не менее, в столь жесткой реакции универсальная применимость данного закона вызывает сомнения – возможно, все дело в конкретном выделении культурно-исторических типов («схеме культурного районирования» и в таксономическом статусе выделяемых районов/регионов). Например, можно предположить, что Россия является все же специфической частью европейского культурно-исторического типа, однако субъективно это далеко не всегда соответствует восприятию части (? – К. М.) европейцев¹. Отметим, что О. Шпенглер называл попытки вестернизировать Россию «псевдоморфозой». Обращает на себя внимание точка зрения В. Г. Хороса [29], согласно которой одним из важнейших препятствий для российской модернизации является слабость русской традиционной культуры (как стимула или как неизбежного органичного антагониста или же как базисного условия модернизации).

Попытки увязать модернизационные и иные трансформации с «несущими» особенностями различных обществ с их собственными потенциями «идет в унисон» новейшим мировым тенденциям развития научной мысли, ориентирующих на учет местных условий в развитии, например, в социологии, отчасти в социальной философии, а в какой-то мере – и экономике, однако такие тенденции пока развиты слабо (из российских авторов в близком, отчасти, фарватере выступают С. Г. Кирдина [15], А. Ф. Филиппов [30, с. 7], В. Г. Федотова и ряд других исследователей).

Согласно теории кризисов А. Д. Арманды [31], кризис – это не обязательно зло, это лишь процесс перестройки системы, смены программы ее развития, после чего эта система обогащается новыми достижениями. В зависимости от системы ценностей, оказывается более важным поддерживать (сохранять) устойчивость исходной системы, или же быть заинтересованным в смене ее программ развития. Формально теория кризисов А. Д. Арманды обладает ценностной нейтральностью

¹ Концепции Н. Я. Данилевского применительно к славянскому культурно-историческому типу как-будто противоречат последующая, после выхода в свет его книги, история России, связанная с активным развитием научного и технического творчества (как якобы менее характерного для славянского типа по сравнению с художественным развитием [3, с. 507]). Однако данный феномен в рамках этой же концепции может быть истолкован как результат относительной «молодости» славянского типа во времени Н. Я. Данилевского. Интересно, что, согласно Ю. М. Лотману, уже в допетровское время «XVII век перепахал всю сферу культуры: «старое» и «новое» причудливо перемешивалось» [28, с. 243].

(хотя современные изменения в мире трактуются как кризис в негативном смысле, в то время как российский кризис описывается почти с позиций фатализма). Однако благодаря поднимаемому кругу вопросов и концептуально эта теория есть «теория разрушителя» (подобно тому, как марксизм есть теория борющегося пролетариата – пусть даже понятие «пролетариат» включает интеллигенцию или др., а «разрушение» не обязательно трактуется деструктивно). Сама логическая форма принуждает к некоторой идеологии. В то же время идея и принцип саморазвития – это принцип реставрации, консервативной революции, контрреформации, самовосстановления (при сохранении развития). В этом, как представляется, заключена ограниченность теории кризисов (как, собственно, и теорий революции).

В рассмотренном контексте можно упомянуть некоторые из современных теоретических коллизий «национального вопроса». В аспекте построения единой нации («нации-государства») в обществе с развитым и исторически доминирующим ядром необходимо ориентироваться на принцип, тождественный *саморазвитию культурного ландшафта*: поэтапная ассимиляция «порций» культурно иных (иногда отчасти чуждых) этносов, осваивающих нормы поведения и культуры исходного этноса, вокруг которого формируется нация. Вероятно, таким путем шло формирование и древнерусской народности, а впоследствии – русских и великороссов. (Между прочим, теория этногенеза Л. Н. Гумилева утверждает, по сути, обратное: в основе этногенеза лежит не адаптация к исходному ядру, а «революционные» трансформации, связанные с привнесением импульсов пассионарности новыми членами этноса, которые, в конечном счете, начинают доминировать, при этом внешняя видимость сохранения культурной преемственности в развитии лишь маскирует фундаментальный характер изменений. Впрочем, отчасти здесь можно говорить о сочетании саморазвития и «направленного» = трансформированного развития, однако саморазвитие здесь не доминирует – соответствующий этнический субстрат играет роль «дичка» для пассионарного «подвоя»).

Далее рассмотрим вопросы использования принципа саморазвития культурного ландшафта как критерия репрезентативности при проведении полевых исследований, по результатам авторов [32; 33].

Элементы саморазвития культурного ландшафта позволяют подойти к фиксации (расшифровке) культурного генотипа (социокода) данной цивилизации в ее локально-региональном проявлении. Так, в связи с вопросом о русско-украинском этнокультурном градиенте, в 2008 – 2010 гг. на территории России, а в 2012 – 2013 гг. – на территории Украины и России¹ авторами было изучено развитие компонентов историко-культурного ландшафта на

¹ В рамках грантов Российского гуманитарного научного фонда № 12-01-18-066 и 13-0100050.

территории российско-украинского порубежья. В работе авторов исследовались аспекты этнической культуры, связи исторически сложившихся форм культуры с местными особенностями природной среды, характер развития традиционной городской культуры, степень ее сохранения и современные модификации, в том числе в политическом ландшафте, различные вопросы этнокультурной и региональной идентичности.

Развитие компонентов историко-культурного ландшафта, которые являлись основным критерием при построении русско-украинского этнокультурного градиента, было возможно зафиксировать лишь в сохранившихся исторических городах российско-украинского порубежья. Историческими считались города, сохранившие традиционный культурный ландшафт, включая связь с природно-ландшафтными условиями местности, т. е. те, в которых реально наблюдается саморазвитие культурного ландшафта, по Б. Б. Родману, а не исходя из официальных списков, в которых могут значиться односторонне-индустриальные города типа Старого Оскола. Понятно, что было бы нелепо искать признаки украинской культуры и сравнивать их с признаками русской и украинской культуры в городах типа Алексеевки, Старого Оскола и Шебекина. Географическая репрезентативность социологических, в особенности этносоциологических и этногеографических исследований, должна учитывать критерий саморазвития культурного ландшафта в исторических городах. Пока же репрезентативность в социологии вообще не учитывает географический аспект (социологи на местах учитывают его «стихийно», бессистемно, интуитивно и ограниченно). Именно с ландшафтных позиций получает логичное разрешение проблема «большинства» – «меньшинства» (массовое – элитарное, универсальное – уникальное), с которой сталкивались авторы при интерпретации результатов полевых исследований. Идентичность (региональная и этническая, историческое сознание) присуща всем жителям изучаемых территорий, однако достаточно четкое, отрефлектированное самосознание характерно лишь для определенной части жителей этих территорий, возможно меньшинству. Поскольку многие важные черты коллективной психологии являются чрезвычайно размытыми и сколько-нибудь отчетливо зафиксированы могут быть лишь у отдельных, немногих индивидов, обладающих определенными культурными чертами. Здесь очевидна *аналогия с принципом ландшафтной индикации*. При этом сама тенденция распространения идентичности носит всеобщий характер и может быть осознана исследователем при неформальном «погружении» в исследуемую реальность.

Человек в культурном ландшафте – его наиболее устойчивый и наиболее пластичный компонент. Человек материализует историческую память, связанную с данным местом и местностью. По мнению

Б. Б. Родомана, историческая память – это душа культурного ландшафта, а ее сохранение в чем-то подобно бессмертию души этого ландшафта. Историческая память – это важнейший критерий саморазвития культурного ландшафта (в связи с этим находит объяснение довольно странное, на первый взгляд, место из повести В. П. Катаева «Кубик», подвергнутой в свое время критике в журнале «Молодая гвардия», в котором идет речь о том, что исчезновение старины как бы не очень существенно, если она незримо присутствует в сознании и подсознании людей).

Авторами была выдвинута гипотеза об упорядоченности компонентов историко-культурного ландшафта (табл.). Согласно этой гипотезе, современная *региональная самоидентификация* местного населения и *историческая память* воздействуют на человеческую личность равнозначно *инерционным, переходящим из поколения в поколение факторам*, которые формируют культурный ландшафт и своеобразие населённых пунктов.

Группировка компонентов историко-культурного ландшафта (касающихся внутренней духовной сферы человека) осуществлена по аналогии с известными представлениями Н. А. Солнцева о важности отдельных физико-географических компонентов для структуры природного ландшафта [34].

Мы полагаем, что в случае сохранения традиционного облика ландшафта (в исторических городах) его компоненты образуют определённое гармоничное целое, что даёт возможность проследить присутствие украинской культуры на территории порубежья.

Таблица 1

Компоненты историко-культурного ландшафта, связанные с мировосприятием и идентичностью людей

№	Компоненты историко-культурного ландшафта
1.	Язык (говор), на котором говорит большая часть населения, и культурно-исторические предпочтения населения, нашедшие отражение в особенностях местной городской и сельской архитектуры
2.	Осознание населением специфики места своего проживания («духа места»)
3.	Память о территориальных образованиях прошлого (княжествах, губерниях и др.), в том числе украинских (Гетманщине) и русско-украинских (Слободской Украине)
4.	Память об украинских корнях и территориях происхождения своей семьи
5.	Этническая самоидентификация (Кем человек себя в большей степени «считает»?)
6.	Самоидентификация при опросах (Кем человек себя «называет»?)

Примечание: компоненты историко-культурного ландшафта даны сверху вниз от более устойчивых, долговременных к менее устойчивым, кратковременным.

В ходе исследования была выявлена также физико-географическая приуроченность расположения исторических областей – Гетманщины и Слободской Украины, а также природная обусловленность исторически русских и исторически украинских ареалов расселения. Показана роль мозаичности природных и культурных ландшафтов Брянской области и однородности Курской, Белгородской и Воронежской областей. Выявлена устойчивость представлений русского и украинского населения о Слободской Украине, при исчезновении памяти о Гетманщине, при сохранении, однако, этнографической специфике населения – русского и украинского по происхождению [33]. В постсоветских условиях произошла, скорее, стабилизация этнокультурных черт. Вышедшее «из подполья» украинское самосознание (характерно сооружение памятников в честь Богдана Хмельницкого в г. Ровеньки и на месте встречи Петра и Мазепы в г. Острогжске) воспроизводит самосознание Слободской Украины как часть общерусского.

На территории Украины рассматриваемые процессы могут быть описаны как сочетание саморазвития и «направленного» развития: естественной самоидентификации населения в условиях новой государственности, развития и сохранения исторической памяти и проведения определенной исторической политики и целенаправленного нациестроительства. Было выявлено, что сочетание этих двух процессов определяет существование продолженного во времени и отнюдь не завершеного процесса «конструирования» украинской нации. Степень завершенности этого процесса, по данным авторов, обнаруживает весьма значительную пространственную дифференциацию даже в пределах территорий, традиционно относящихся к ядру украинской (этно)национальной культуры – бывшая Гетманщины. Этим позиция авторов отличается от точки зрения, например, А. И. Миллера и М. В. Дмитриева [35], предполагающих, хотя и в разной редакции, завершенность «украинского национального проекта» по меньшей мере до начала советской «украинизации». Левобережная Украина представляет собой обширную переходную *градиентную* зону, население которой характеризуется культурной близостью к России, одновременно различаясь по степени *естественной амбивалентности* отношения к ней. Так, Россия, являясь «значимым другим», воспринимается здесь как позитивно, так и нейтрально и даже негативно. В то же время населению свойственно двуязычие, по крайней мере, на бытовом уровне. При этом *мотивация к использованию русского или украинского языка* проявляет региональную вариативность. Заметим, что в пределах Левобережной Украины исторически даже фиксируются две версии украинского литературного языка (И. П. Котляревского и Г. С. Сковороды), которые предполагали разную степень его отличия от русского языка. Нам удалось определить параметры и маркеры в элементах идентичности, интерпретация которых позволила выявить

единую структуру этнокультурного пространства Левобережной Украины и сопредельных регионов России (картосхему украинского этнокультурного градиента см. [36]). Мы полагаем, что в рамках этой структуры в Украине проявляется дифференциация процесса построения украинской нации на низовом уровне (в России структура российско-украинского этнокультурного градиента политически не актуализирована).

Существенный аспект внешнего направленного воздействия – территории вблизи российско-украинской границы, например, в Сумской и особенно в Харьковской областях, подвергаются более активному воздействию, связанному с конструированием идентичности (политикой идентичности), если судить по реакции жителей на различные навязываемые штампы. В то же время в более «глубинных» территориях, как Полтава или Нежин, проявления такой политики минимальны.

Анализ результатов массовых опросов позволил вычленил составляющую региональной идентичности («транстрадиционная идентичность»), сопоставимую с саморазвитием, в смысле Б. Б. Родомана, в отличие от законсервированной неразвивающейся традиции («традиционалистская идентичность») и «отрыв от корней» при местной самоидентификации («надтрадиционная идентичность») [12].

Список использованной литературы

- 1. Родоман Б. Б.** Саморазвитие культурного ландшафта и некоторые биотические закономерности его формирования / Родоман Б. Б. // Географические науки и районная планировка. Вопросы географии. Сб. 113. – М. : Мысль, 1980. – С. 118 – 127.
- 2. Родоман Б. Б.** Узловые районы / Родоман Б. Б. // Теоретическая география. Вопросы географии. Сб. 88. / Отв. редакторы В. М. Гохман, Ю. Г. Саушкин. – М. : Изд-во «Мысль», 1971 – С. 97 – 118.
- 3. Данилевский Н. Я.** Россия и Европа / Данилевский Н. Я. – М. : Книга, 1990 – 573 с.
- 4. Пчелинцев О. С.** Региональная экономика в системе устойчивого развития / Пчелинцев О. С. – М. : Наука, 2004. – 258 с.
- 5. Дроздов А. В.** Экологическое мародерство и российская общественность / Дроздов А. В. // Экологическое планирование и управление. – 2009. – №. 1–2 (10-11). – С. 94 – 103.
- 6. Воронеж** против УГМК – Режим доступа: <http://expert.ru/2012/12/20/voronezh-protiv-ugmk/>.
- 7. Смирнов А. М.** Общегеографические понятия / Смирнов А. М. // Теоретическая география. Вопросы географии. Сб. 88. / Отв. редакторы В. М. Гохман, Ю. Г. Саушкин. – М. : Изд-во «Мысль», 1971. – С. 29 – 64.
- 8. Геттнер А.** География, ее история, сущность и методы / Альфред Геттнер / Пер. с нем. под ред. Н. Н. Баранского. – М.–Л. : Госиздат, 1930. – 416 с.
- 9. Шупер В. А.** Развитие теоретических представлений в области пространственного анализа / Шупер В. А. // Изв. РАН, Сер. геогр., 2011.

- № 3. – С. 7 – 16. **10. Щелкин А. Г.** Николай Тимашев о перспективах завершения советского периода / Щелкин А. Г. // Социологические исследования. – 2010. – № 6. – С. 137 – 141. **11. Кара-Мурза А. А.** Выступление. Российская модернизация: проблемы и перспективы / Кара-Мурза А. А. // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 19 – 21. **12. Агурский М.** Великий еретик. Горький как религиозный мыслитель / Агурский М. // Вопросы философии. – 1991. – № 8. – С. 54 – 74. **13. Гельман В. Я.** Политические элиты и стратегии региональной идентичности / Гельман В. Я. // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6. – № 2. – С. 91 – 105. **14. Мусихин Г. И.** Идеология и история / Мусихин Г. И. // Общественные науки и современность. – 2012. – № 1. – С. 134 – 146. **15. Кирдина С. Г.** Современные социологические теории: актуальное противопостояние?! / Кирдина С. Г. // Социологические исследования. – 2008. – № 8. – С. 18 – 28. **16. Федотова В. Г.** Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории / Федотова В. Г. // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 3 – 21. **17. Мельянец В. А.** Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность / Мельянец В. А. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 303 с. **18. Любищев А. А.** Расцвет и упадок цивилизации / А. А. Любищев ; ред. и сост. М. Д. Голубовский, Н. А. Папчинская. – СПб. : Алетейя, 2008. – 464 с. **19. Честертон Г. К.** Вечный человек / Пер. с англ. – М. : Политиздат, 1991. – 542 с. **20. Арутюнов С. А.** Адаптивное значение культурного полиморфизма / Арутюнов С. А. // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 4. – С. 41 – 56. **21. Мамардашвили М. К.** Другое небо // Мераб Мамардашвили. Как я понимаю философию. 2-е издание с изменениями и дополнениями. Составление и общая редакция Ю. П. Сенокосова. – М. : Изд. Группа «Прогресс – Культура», 1992. – С. 320 – 329. **22. Любищев А. А.** Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. – М. : Наука, 1982. **23. Вишнев С. М.** Основы комплексного прогнозирования / С. М. Вишнев. – М. : Наука, 1977. – 287 с. **24. Эйзенштадт Ш.** Революция в преобразовании обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Эйзенштадт Ш. ; пер. с англ. А. В. Гордона. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 416 с. **25. Дьяконов И. М.** Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. Изд. 3-е. / И. М. Дьяконов. – М. : КомКнига, 2010. – 382 с. **26. Богданов А. А.** Красная звезда // А. А. Богданов. Вопросы социализма. Работы разных лет. – М. : Политиздат. – 1990. – С. 104 – 203. **27. Зубов А. Б.** «Вестминстерская модель» и общественное бытие Востока / Зубов А. Б. // Ретроспективная и сравнительная политология. Публикации и исследования. Вып. 1. – М. : Наука, 1991. – С. 50 – 75. **28. Лотман Ю. М.** Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 1994. – 399 с. **29. Хорос В. Г.** Выступление. Российская модернизация: проблемы и перспективы.

Круглый стол / Хорос В. Г. // Вопросы философии. – 1993. – № 7. – С. 12 – 16. **30. Филиппов А. Ф.** Социология пространства / А. Ф. Филиппов. – СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2008. – 285 с. **31. Анатомия кризисов** / А. Д. Арманд, Д. И. Люри, В. В. Жерихин и др. – М. : Наука, 1999. – 238 с. **32. Крылов М. П.** Региональная идентичность в Европейской России / Михаил Петрович Крылов – М. : Новый хронограф, 2010. – 240 с. **33. Гриценко А. А.** Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность населения российско-украинского порубежья. Автореф. канд. дис., М. : ИГ РАН, 2010. – 22 с. **34. Солнцев Н. А.** Некоторые теоретические вопросы динамики ландшафта / Солнцев Н. А. // Вестник Моск. ун-та, серия география. – 1963. – № 2. – С. 50 – 55. **35. Миллер А. И.** Несколько возражений М. В. Дмитриеву / Миллер А. И. // Вопросы истории. – 2003. – № 2. – С. 168 – 169. **36. Гриценко А. А.** Этнокультурный градиент региональная идентичность и историческая память в соседних районах России и Украины / Гриценко А. А., Крылов М. П. // Культурная и гуманитарная география. – 2012. – Т. 1. – № 2. – С. 126 – 140. – Режим доступа: <http://gumgeo.ru>.

Крылов М. П., Гриценко А. О. Саморазвиток культурного ландшафту як евристичний принцип

У статті аналізується проблема саморозвитку культурного ландшафту як евристичний принцип і як критерій репрезентативності в польових дослідженнях. Показано, що принцип саморозвитку культурного ландшафту пов'язаний із загальнонауковою проблемою співвідношення «*еволюційного*» і «*революційного*», теорією модернізації та ін. Реалізація принципу саморозвитку культурного ландшафту розглядається як тотожна врахуванню *місцевих інтересів* при міському і регіональному розвитку.

Використання цього принципу при проведенні польових досліджень показано на прикладі авторських досліджень. Об'єкт вивчення – компоненти історико-культурного ландшафту на території російсько-українського порубіжжя: окремі аспекти етнічної культури, зв'язки форм культури, що історично склалися, з місцевими особливостями природного середовища, характер розвитку традиційної міської культури, ступінь її збереження і сучасні модифікації, зокрема в політичному ландшафті, різні питання етнокультурної та регіональної ідентичності.

Ключові слова: саморозвиток культурного ландшафту, російсько-український етнокультурний градієнт, історико-культурний ландшафт, регіональна ідентичність, регіональна самоідентифікація.

Крылов М. П., Гриценко А. А. Саморазвитие культурного ландшафта как эвристический принцип

В статье анализируется проблема саморазвития культурного ландшафта как эвристический принцип и как критерий репрезентативности в полевых исследованиях. Показано, что принцип саморазвития культурного ландшафта связан с общенаучной проблемой соотношения «эволюционного» и «революционного», теорией модернизации и др. Реализация принципа саморазвития культурного ландшафта рассматривается как тождественная учету *местных интересов* при городском и региональном развитии. Использование этого принципа при проведении полевых исследований представлено на примере авторских исследований. Объект изучения – компоненты историко-культурного ландшафта на территории российско-украинского порубежья: отдельные аспекты этнической культуры, связи форм культуры, исторически сложившихся, с местными особенностями естественной среды, характер развития традиционной городской культуры, степень ее сохранения и современные модификации, в частности, в политическом ландшафте, разные вопросы этнокультурной и региональной идентичности.

Ключевые слова: саморазвитие культурного ландшафта, российско-украинский этнокультурный градиент, историко-культурный ландшафт, региональная идентичность, региональная самоидентификация.

Krylov M. P., Gricenko A. A. Self-development of cultural landscape as heuristic principle

The article analyzes a problem of self-development of cultural landscape as heuristic principle and as a criterion of representation in the field research. It is shown that the principle of self-development of cultural landscape is connected with social problem of correlation of “evolutional” and “revolutional”, modernization theory, etc. Realization of the principle of self-development of the cultural landscape is considered along with local interests within urban and regional development.

Using this principle during field research is represented with the author’s research.

Object of the research- components of historical and cultural landscape on the territory of Russian-Ukrainian borderline: different aspects of ethnic culture, ties between forms of culture, which are historically connected with local peculiarities, character of development of traditional urban culture, level of its preservation and its modern modifications. In particular here analyzed different issues of ethno-cultural and regional identity in political landscape.

The analysis of mass surveys allowed to select the component of the regional identity (trans-traditional identity), comparable to the self-development, in the sense of B. B. Rodoman, unlike «canned», non-

developing tradition (traditionalist identity) and the «separation from roots» along with regional self-identification.

Key words: self-development of cultural landscape, Russian-Ukrainian ethno-cultural gradient, historic and cultural landscape, regional identity, regional self-identification.

Стаття надійшла до редакції 9. 08. 2013 р.

Прийнято до друку 01. 11. 2013 р.

протоколом № 3

Рецензент – д. соц. н., професор

Кононов І. Ф.

УДК 316.3/7

Л. И. Галкина, Е. В. Чугунов

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

С. ХАНТИНГТОНА

В современном обществе в условиях глобализации актуальна проблема национально-государственной идентичности, сохранения целостности государств. Эта тема вызывала и продолжает вызывать интерес у представителей социально-политической мысли разных стран. Так, в конце XIX – начале XX века известный украинский публицист и политический деятель Ю. А. Бачинский впервые теоретически обосновал необходимость государственной независимости Украины [См.: 1]. Концепт национальной идентичности получил разработку в исследованиях таких современных украинских и российских авторов, как В. Л. Арбенина [2], К. С. Гаджиев [3], В. Б. Евтух [4], И. Ф. Кононов [5], Т. М. Рудницкая [6], Н. А. Шульга [7], М. В. Хараджи [8] и др. Проблему национальной идентичности рассматривали зарубежные социологи и политологи, в частности, Э. Д. Смит [9], Р. Брубейкер [10], Э. Гелнер [11], Э. В. Саид [12], С. П. Хантингтон [13].

Для автора статьи особый интерес представляет концепция национальной идентичности известного американского политолога и социолога С. Хантингтона (1927–2008), прогнозирующая кризис национально-государственной идентичности в США. Концепция С. Хантингтона изложена в книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности», изданной в 2004 году. Эта работа написана С. Хантингтоном на основе лекционного курса по американской национальной идентичности, который читался им в Гарвардском университете.

Задача данной статьи – проанализировать подход С. Хантингтона к феномену национальной идентичности в современном обществе.